

Как бы безумно это ни звучало, Гарри знал, что это не просто сон - это нечто большее. Хотя что это было на самом деле, Гарри не знал. Каким-то образом он разговаривал с родителями и Сириусом, и в кои-то веки Гарри не задавался вопросом, как это произошло. Он также точно знал, что сон был реальным, но никогда и никому не расскажет о нем. Это было и слишком странно, и слишком лично. Вместо этого его мысли были заняты одной очень конкретной вещью, которую сказал ему отец. «Никогда не сдавайся». Еще пару недель назад Гарри с гордостью согласился бы с этим утверждением, но после смерти Сириуса многое стало казаться неважным. Он с отвращением оглядел свою маленькую обшарпанную спальню. Он беспорядочно разбросал книги, одежду и обертки. За последние два дня он даже не удосужился переодеться. Он мало ел и еще меньше спал.

Хотя, как понял Гарри, поднимаясь с кровати, прошлая ночь была совсем другой. После двух с половиной недель, в течение которых он спал не более двух-трех часов в сутки, его тело наконец-то взбунтовалось. Накануне он вырубился сразу после ужина и, что удивительно, проспал всю ночь. Взглянув на часы - 4:48, - он понял, что отдохнул почти 10 часов.

Он чувствовал себя лучше. Освеженным. И впервые с момента возвращения в Литтл Уингинг он решил заняться чем-то другим, кроме бесцельного шатания и разглядывания стен собственной спальни. Он начал с уборки своей комнаты. Он собрал грязную одежду в корзину, мусор - в ведро, а тряпками вытер пыль. Он разложил бумаги и книги на столе и тщательно вычистил клетку Букля. Заголовки газет пестрели домыслами о «Сами-Знаете-Ком», а также преобладающей в настоящее время теорией о том, что Гарри - это тот, кого Пророк постоянно называет «Избранным». После того как стало известно о битве в Министерстве, а также о том, что все это произошло в Зале Пророчеств, мельница слухов Волшебного мира занялась соединением точек - и Гарри с ужасом отметил, что на этот раз безумные теории оказались до ужаса точными. Хотя никаких реальных подробностей пророчества не было опубликовано в газетах, его общая идея, безусловно, обсуждалась - а именно тот факт, что именно Гарри может победить Волан-де-Морта.

Это, конечно же, вызвало бурные обсуждения того, что следует делать. Некоторые волшебники - особенно чистокровные, судя по всему, - возражали против того, что все они, похоже, веряют свою судьбу в руки не просто студента Хогвартса, который еще не получил результаты СОВ, но и Полукровки.

Другие считали, что Гарри следует оставить Хогвартс как ради безопасности других студентов, так и для того, чтобы Министерство могло обеспечить ему надлежащую подготовку к «неизбежной грядущей битве». Кроме того, существовала небольшая, но странно волевая группа, которая утверждала, что, опираясь на пророчество, Гарри уже обладает способностью победить своего темного противника и что весь Волшебный мир должен подчиняться его идеям и стратегиям. Некоторые фанатики из этой группы даже призывали назначить его официальным советником Министра магии, если не самим Министром.

Гарри не был уверен, какая из теорий раздражает его больше, но точно знал, какая кажется ему самой нелепой. Поглощённый своим горем и чувством вины, Гарри на удивление мало думал о статьях, но по мере того, как он перемещался по комнате, его мозг, казалось, впервые начал приходить в движение. В зависимости от того, как осядет пыль, он может оказаться в довольно сложном положении в предстоящем году. Теперь, когда Министерство было вынуждено признать, что он не лгал и не заблуждался в своих утверждениях о возвращении

Волан-де-Морта, они стали его самыми большими сторонниками. Они восхваляли его мужество в последний год, утверждая, что благодарны за прощение, которое Гарри оказал Министерству и которое, как ни странно, Гарри не помнил, чтобы давал. Однако Гарри уже имел достаточно опыта общения с Министерством, чтобы понять, что такое поведение не продлится долго. Рано или поздно Министерство сделает свой ход. Он не знал, будет ли это сделано против него или они попытаются каким-то образом получить над ним контроль, но в эти ранние утренние часы, слушая аритмичный храп Дадли, когда рассвет превратился в день, он знал, что должен быть готов к почти неизбежной конфронтации в какой-то момент.

Несмотря на тесноту комнаты, потребовалось немало времени, чтобы привести все в порядок. Комната была еще более захламленной, чем обычно, потому что Дадли Дурсли снова стали использовать ее как «вторую спальню Дадли». Дадли продвинулся в боксе, став межшкольным чемпионом. К нему даже приезжали скауты из университета, и, поскольку у Дадли практически не было шансов быть принятым в университет по результатам учебы, Петуния и Вернон были в восторге от того, что он стал «спортсменом». И без того крошечная спальня Гарри стала ещё более тесной, в ней появились беговая дорожка и боксёрская груша. Дадли приходил сюда примерно на два часа в день, чтобы позаниматься, и выражение его лица становилось все более мрачным от растущего беспорядка в комнате. Дадли, как ни странно, ничего не говорил, даже когда в комнате стал появляться затхлый воздух. Дадли стучал в дверь, и Гарри послушно уходил на время тренировки, считая, что спорить без необходимости слишком накладно. В последнее время Гарри обнаружил, что может проводить целые дни, не произнося ни слова Дурслям. Он наслаждался тишиной.

Теперь в комнате было свежее, а благодаря тому, что кровать была застелена, комната казалась менее клаустрофобной. Уборка заняла больше времени, чем Гарри предполагал, - как из-за его необычной тщательности, так и из-за размеров беспорядка. Но когда Гарри закончил почти через два часа, он понял, что впервые за столько дней действительно голоден. И именно с этой мыслью он принял решение сделать то, чего никогда раньше не делал - добровольно вызваться приготовить завтрак для себя и Дурслей. А после этого... что ж, пришло время Гарри заслужить уважение родителей, которое, как казалось, было у него во сне. Он не собирался сдаваться и даже был готов к этому.